

В.А. Моляко,
Институт психологии
им. Г.С. Костюка
НАПН Украины (Киев, Украина)

ПСИХЕЯ В КИМОНО **(эскиз к портрету О.К. Тихомирова)**

Некоторые исследователи проблемы времени преспокойно утверждают, что его — времени как такового — нет, что все в мире, так сказать, пребывает одновременно и никто из времени никуда, ни в какое прошлое не уходит, равно как и ни в какое будущее. А остальное — иллюзии восприятия времени. Я в этом, как почти и во всем остальном, не специалист и в дискуссию вступать не намерен. Более того, нередко, когда меня посещают (или я их посещаю?) воспоминания, то я вижу что-то или кого-то как сиюминутную реальность. Не знаю, надо ли при этом ставить какой-то серьезный диагноз, но это именно так.

Вот и сейчас я вижу Олега Константиновича вполне здравствующим и всего лишь на расстоянии вытянутой руки в токийском Шибя Парк Отеле в нашем с ним номере на двоих, куда дама по хорошо известному имени Судьба забросила нас для участия в XX международном психологическом конгрессе.

Это был весьма жаркий август 1972 года.

Советская делегация выглядела достаточно пестро. Сами судите: Б.Ф. Ломов, В.Д. Небылицин, П.К. Анохин, А.В. Петровский, Е.В. Шорохова, Е.Д. Хомская, В.В. Григолава, Н.В.Имедадзе, вообще никому не известный В.А. Моляко и более чем хорошо известный (подробнее об этом — позже) О.К. Тихомиров, с которым

я, правда, уже был знаком, но не очень, почти шапочно. Тем не менее, этого предварительного знакомства хватило для того, чтобы выбрать друг друга в напарники по проживанию, о чем О.К., возможно потом временами жалел (почему — скажу об этом ниже).

Итак, здесь речь идет именно о нем: Олег Тихомиров в контексте психологического конгресса, на фоне Токио и отчасти на фоне, так сказать, всей Японии, которую нам во многом представил имеющийся в номере телевизор.

Не будет преувеличением сказать, что Япония в каком-то смысле обрушилась на нас подобно знаменитому водопаду Кегон в Никко (в конце нашего пребывания мы посетили эти места). Все мы, я говорю в первую очередь, разумеется, о себе, были в Японии впервые. С первых минут масса совершенно новых впечатлений, начиная с того, что мы увидели японские острова, еще подлетая, из иллюминаторов самолета, и кончая первыми японскими лицами и архитектурными сооружениями, с которыми мы столкнулись уже в аэропорту. Конечно, все мы, и Олег Константинович в том числе, имели о Японии какое-то, в чем-то достаточно подробное, представление. О.К. и за границей был не впервые, к тому же он около года был в научной командировке в США, а потому собственно «заграница»

О.К. Тихомиров – начало 1980-х гг.

его не могла чем-то сильно удивить. Но Япония — это Япония, и не удивить она не может никого, может, только за исключением самих японцев. Поэтому уже вечером первого дня после довольно насыщенных рабочих формальных контактов и бытовой акклиматизации мы обменивались первыми впечатлениями.

Я буквально извергал возгласы и гиперболы, однозначно восторгаясь почти всем, что мне попало за день на глаза:

— Вы только обратите, Олег, внимание, какая вежливость! На каждом шагу — улыбки, поклоны. Порядок. Чистота. При регистрации никаких сбоев, недоразумений. А ведь сколько приехало участников и гостей! Одних американцев тьма-тьмушая.

Тихомиров был сдержаннее:

— Да, японская вежливость хорошо известна. Но ты не спеши всем подряд восторгаться — наверное, есть какие-то слабые стороны и у японцев, — уравновешивал пыл нашего диалога О.К.

Он и в последующем, когда я, переполненный впечатлениями, вваливался после своих научных и посленаучных походов в номер, успокаивал меня:

— Релакс, Валентин, релакс. Психолог должен быть поближе к объективности. Насколько это возможно, конечно, — тут же добавлял он, отдавая дань моему неугасающему перевозбуждению.

Я не сомневался и не сомневаюсь сейчас, что О.К. не меньше меня интересовался всем, что окружало нас, спецификой японского быта, особенностями проявления японской культуры во всех ее видах, что он, само собой, интересовался японской психологией, и эту его последнюю заинтересованность, я разжигал как только мог. О.К. Тихомиров прекрасно знал западную психологию, особенно, что и понятно при ее масштабах развития на то время, те ее сферы, которые были связаны с проблемами мышления, интеллекта. Не надо забывать, что он был на тот момент одним из немногих советских психологов, кто посвятил свое первое большое, сохраняющее уникальность и по сей день, специальное исследование именно мышлению. Его книга встала в один ряд с работами самого С.Л. Рубинштейна и его учеников, к тому же получила известность и за рубежом. Я уже упомянул, что О.К. Тихомиров был, без преувеличения,

уже широко известным специалистом. Могу засвидетельствовать хотя бы следующее: практически каждый вечер к нам в номер к нему, предварительно позвонив, а то и не позвонив, приходили многие американские и европейские психологи, принимавшие участие в конгрессе и узнавшие о его пребывании в Токио. Так, в частности, благодаря О.К. я познакомился с Дэвидом Олсоном, известным уже тогда, а ныне тем более, специалистом в области психологии развития и возрастной психологии. Д. Олсон также посетил О.К. Тихомирова с одним из своих коллег, и у них состоялась длительная и содержательная беседа. Тихомиров прекрасно владел английским языком, а моего хватало, чтобы уследить, по крайней мере, за общим течением беседы. Это были беседы профессионалов высокого уровня, и их свидетелю было чему поучиться. В частности, скажем, тому, как вести дискуссию в уважительном ключе. Так, как это делал О.К., насколько я знаю, умели немногие; у нас на Украине выдающимся мастером в этом отношении был, пожалуй, один только Г.С. Костюк.

Я неизменно восхищался заслуженной научной известностью О.К. Но, нужно отдать Олегу должное, он нашел повод поздравить и меня с «международной известностью». Когда я принял участие в симпозиуме, посвященном изучению роли умственного образа в мышлении человека, то имел возможность познакомиться лично с целой группой западных и японских психологов. Среди западных был такой мэтр, как Даниэль Берлайн, выдающийся исследователь мышления; а японскую психологию представляли три замечательных ученых — Иосихару Акишиге, Гийо Хатано и Тамотсу Фуджинага. После того, как эти японские психологи вскоре посетили меня в гостинице, Олег тут же сделал комментарий:

— Валентин, ты тоже становишься знаменитостью. При этом мы с тобой

дополняем друг друга — ко мне приходят с Запада, к тебе — с Востока. Настоящее «инь—ян».

И эта полушутка была доброжелательной, была своего рода стимулом, обязывающим, в данном случае меня, ориентироваться на соответствующий уровень научной работы, да и на сам уровень научного общения, которое у меня, что уж греха таить, когда я общался с японцами, перемешалось с вопросами и собственными тезисами о Мацуо Басё, о дзен-буддизме, о самураях, икебанае, японских обычаях, сакуре, фирме «Сони», куда у нас, кстати, была экскурсия, и о многом другом. Впрочем, О.К. все это совсем не осуждал. Он даже, очевидно, уже окончательно смирившись с моим безоглядным погружением в таинственный мир Японии, как-то сказал:

— Валентин, еще немного — и ты сам станешь японцем.

Он, наверное, и не мог себе представить, как тогда мне это было приятно слышать. А, может, наоборот, — хотел сказать мне что-то очень приятное. Во всяком случае, сколько я помню О.К. — и не только по Японии, — я ни разу не слышал от него обидной и даже критической фразы, он все умел сказать деликатно, как немногие из нас. И только один раз Олег Константинович не смог сдержаться, да и то в очень мягком варианте, не прибегая ни к каким самым приличным ругательствам.

Как я уже заметил вначале, компенсировать недостаточность перемещений по Японии, невозможность все увидеть и все узнать помогало телевидение. Каналов было много, и я практически телевизор не выключал, поочередно созерцая оригинальные мультипликационные передачи по изучению иностранных языков, последние известия, самурайские боевики, спектакли театра, да и все остальное. Поскольку передачи шли едва ли не круглосуточно, то я спал ночью буквально

О.К. Тихомиров на заседании внебюджетной (хоздоговорной) лаборатории психологии мышления и компьютеризации, МГУ, Ленинские горы, 1983 г.

два-три часа, а остальное время смотрел все подряд (может, именно тогда у меня зародились первые признаки пресыщения телепередачами, которое так спасает меня сейчас?). Я делал звук потише, — О.К., как правило, уже спал, — и щелкал переключателем программ до бесконечности. В какую-то из ночей О.К. проснулся и не выдержал:

— Валентин, побереги себя — нельзя же вызывать у себя искусственную летаргическую бессонницу.

Каюсь, я не до конца понял смысл сказанного, так как находился, скорее всего, в состоянии неполной вменяемости, сопровождающей любую из наркоманий. Я лишь сделал звук еще тише и стал более осторожно щелкать переключателем. Олег Константинович был настоящим психологом и понял, что в подобном случае меня спасти могло бы лишь хакари. Но к хакари я тогда, как, впрочем, и сейчас, еще не был готов.

Однако маленькую компенсацию Олегу я все же придумал.

Я знаю, что не все, кто встречался с О.К. Тихомировым в, так сказать, акаде-

мической обстановке, подозревали о его склонностях к шуткам, о его действительно большой любви к юмору, скрывающейся за внешней строгостью и серьезностью. На самом деле при близком знакомстве в этом было легко убедиться и увидеть за обликом классического профессора поклонника и Мюнхгаузена, и Швейка. Обнаружив это, я старался пересказать О.К. все самые смешные истории из моей жизни. Особенно ему нравились многочисленные розыгрыши, которые я позволял себе сотворить с В.В. Давыдовым, Т.В. Кудрявцевым, Я.А. Пономаревым и другими нашими общими приятелями и знакомыми психологами.

— Валентин, раз ты такой мастер розыгрышей, — придумай что-нибудь здесь. Не погибать же нам в море научной повседневности.

И я придумал. Это, действительно, был смешной сценарий, согласно которому я по телефону пообещал, меняя голос, нашему коллеге В.В. Григолаве вручить жемчуг от знаменитой японской фирмы «Матсумото». Когда О.К. слушал наш диалог (а звук от динамика в телефоне был

таким, что все, что говорил В.В. Григолава, можно было свободно расслышать), он буквально покатывался со смеху, потому что наш грузинский друг принял все за чистую монету и остался на другой день в номере ждать обещанный жемчуг..

Может быть, в этом эпизоде О.К. и не был главным действующим лицом, но я привожу его лишь с одной целью — показать, как он реагировал на юмор, на смешное. Помню, как уже в Тбилиси мы с ним «совпали» на симпозиуме по кибернетике и долго отмечали нашу встречу в ресторане-подвальчике на проспекте Шота Руставели, где стены были расписаны копиями картин Нико Пиросманишвили. Мы с Олегом после какого-то очередного глотка прекрасного грузинского вина начали соревноваться, подставляя на место героев Пиросманишвили известных нам с ним советских психологов. Ох, и перепало бы нам, если бы эти психологи слышали наши аналогии. Ведь мы сравнивали наших знаменитых — и пока еще не очень — ученых не только с пирующими князьями, но и вовлекали в водоворот наших произвольных перевоплощений дворника с метлой и лежащих красавиц, а также, подобно И.А. Крылову, многих животных, которые, впрочем, у художника уж никак не выглядели несимпатичными. Но, справедливости ради, нужно сказать, что под конец, когда уже трудно было определить количество выпитого вина, мы с Олегом и самих себя перенесли на полотно Пиросмани, правда, не в виде

пирующих князей и других его героев, а в скромном виде рыб, возлежащих на пиросманиевских блюдах. И, вновь обратившись к этой аналогии, О.К. сказал тогда:

— Валентин, раз мы с тобой перевоплотились в рыб, то это означает одно: пора сделать попытку добраться до гостиницы хотя бы вплавь (в это время шел дождь).

Но вино было хорошим, хоть его и было много, а потому до гостиницы мы добрались, унося в своей памяти удивительные образы Пиросманишвили, которые мы потом часто вспоминали и в Киеве, и в Москве, встречаясь еще много раз...

Вот и сейчас я смотрю на фотографию, изображающую нас с О.К. Тихомировым на фоне главного корпуса МГУ на Ленинских горах. Мы оба серьезные, и по лицу Олега Тихомирова трудно догадаться, что он не только крупный ученый, но и большой поклонник юмора.

Мне же это хорошо известно, потому что и сейчас я вижу Олега в Японии в номере токийского отеля, одетого в кимоно, которое нам каждый день выдавали и которое ему так импонировало, поскольку он в этом кимоно не просто был похож на японца, а выглядел настоящим японцем. Ему для этого не нужно было делать никаких усилий. Может быть, это получалось потому, что Олег Константинович — настоящий психолог? И теоретик, и практик. А психологам, как я думаю, нелишне испробовать себя и в роли японца. Хотя не у каждого из нас это получится.